

М. Б. Свердлов

Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов¹

Определение круга чтения молодого аристократа в середине XVIII в. — сложная проблема. Она значительна в своем содержании, поскольку позволяет определить круг идей человека, которому в то время в большом числе случаев предстояло по праву рождения занять особое положение в общественно-политической жизни страны, в истории ее культуры. Вместе с тем эта проблема непроста. Состояние архивных фондов лишь в небольшом числе случаев позволяет конкретно ответить на многие вопросы, которые появляются при такой постановке исследовательской задачи.

1750-е гг. — значительное время в интеллектуальной истории России, время распространения идей Просвещения. Определить это понятие крайне сложно. На эту тему опубликовано бесчисленное множество работ, но даже относительно недавно изданный обобщающий труд «Мир Просвещения: Исторический словарь» предпочел его описательную характеристику. Из осторожной фразы редакторов этой публикации В. Ферроне и Д. Роша — «история Просвещения сегодня предстает, главным образом, как история культуры» — следует только, что для ее редакторов и большого международного коллектива авторов словарных статей категории *Просвещения* и *культуры* максимально близки в своем содержании. Поэтому основной смысл *Просвещения* раскрывается ими через анализ общих понятий и представлений, через системы ценностей и идей. Метод изучения авторов этой книги —

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФНФ, № 15-01-00038а.

установление их «динамической взаимосвязи» с контекстом, соотношения «дискурса и практики»².

Первой из таких общих понятий в «Мире Просвещения» указана противопоставленная прежним национальным и конфессиональным барьерам XVII в. «новая свобода и эмансипация личности, которая исследует мир вокруг себя, открывает в нем пространство без границ и сама становится объектом других культур»³. В качестве других общих понятий и представлений, свойственных Просвещению, указаны и специально рассмотрены категории морали, счастья, свободы, терпимости, разума, равенства, цивилизации, а также реалии общественной жизни — религия, воспитание, социальные связи, академии, масонство, общественное мнение, книги, наука, путешествия и др.

Молодость князя Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790) пришлась на 1750-е гг. Идеи Просвещения в России того времени активно поддерживали Иван Иванович Шувалов, наследник престола великий князь Петр Федорович и его жена Екатерина Алексеевна, будущие император Петр III и императрица Екатерина II. Под влиянием Шувалова в значительной мере изменила свое отношение к управлению империей Елизавета Петровна. В 1740-х гг. она стремилась к относительной политической, экономической и идеологической самоизоляции России по отношению к другим европейским державам. Видимо, наиболее пронизательно суть идеологии правления Елизаветы Петровны как ее «господствующей идеи» того времени сформулировал В. О. Ключевский: «Россия живет для самой себя и должна всё делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени»⁴. Между тем, Россия экономическими связями и политическими союзами была тесно связана с другими европейскими державами. Российскому правящему классу были постоянно нужны высококачественные западноевропейские товары, российской экономике — новейшие технологии, а государственным интересам — политические союзы, которые позволяли стране поддерживать имперский статус европейской державы. В таком объективном по содержанию контексте определявших историческое развитие факторов в Россию всё активнее проникали с конца 40-х — 50-х гг. просветительские идеи, которые находили понимание и поддержку среди русской интеллектуальной элиты.

И. И. Шувалов в сотрудничестве с М. В. Ломоносовым подготовил проект основания в Москве университета. Этот проект был представлен 19 июля 1754 г. в Правительствующий сенат и утвержден императрицей 12 января сле-

² Ферроне В., Рош Д. Введение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003. С. 7–8; перевод итальянского издания 1998 г.

³ Фрейхоф В. Космополитизм // Мир Просвещения... С. 33.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). С. 410.

дующего года. В нем как априорная истина утверждалась всеобщая необходимость в науках для просвещения народов, дающего превосходство над народами непросвещенными: «Как наука везде нужна и полезна и как способом той **просвещенные народы** превознесены и прославлены **над живущими во тьме неведения людьми** довольно известно». В проекте утверждалось также, что «<...> науки не терпят принуждения, и между **благороднейшими упражнениями человеческими справедливо считаются**».

Данные положения проекта были утверждены именным указом императрицы об основании Московского университета 24 января 1755 г. От ее имени указ отмечал также «**Наших истинных патриотов**», которые в утверждение «**народного благополучия к славе отечества**» «**прилежность свою и труд в общенародную пользу прилагали**». Как было в нем написано в соответствии с просветительскими принципами, «**всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется**». Поэтому, утверждалось в указе, существовала «**нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристойных наук возрастало в пространной Нашей империи всякое полезное знание**»⁵.

Эти постановления через тридцать лет после смерти Петра Великого свидетельствовали о возвращении правительственной политики к поощрению активной интеллектуальной жизни на благо России. Петровская и общеевропейская тенденция модернизации общественных отношений выразилась в 1757 г., в частности, в намерении осуществить секуляризацию церковного и монастырского землевладения⁶.

Символично, что в феврале 1757 г. в связи с подготовкой России к началу военных действий в Семилетней войне (1756–1763) И. И. Шувалов с согласия императрицы предложил Вольтеру написать «Историю Петра Великого»⁷. Вольтеровской концепции было свойственно понимание истории прежде всего как истории достижений человеческого разума и деятельности, цивилизации с особым вниманием к экономике, географии, населению, вооруженным силам, научным знаниям, культуре и т. д. По поручению И. И. Шувалова эти сведения о России подготавливали для Вольтера М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер, И. И. Тауберт и др. Они же прочли подготовленный Вольтером текст, написали свои замечания, а после издания книги вновь подготовили свои критические замечания⁸. Такое сотрудничество также способствовало распространению и утверждению в российской интеллектуальной элите идей Просвещения.

⁵ ПСЗ. Т. 14. № 10346; здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами.

⁶ Там же. Т. 15. № 10765, 11441; *Комиссаренко А. И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990.

⁷ *Копанев Н. А.* Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // Вольтеровские чтения: Материалы междунар. конф. СПб., 2009. Вып. 1. С. 35.

⁸ *Шмурло Е.* Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

М. М. Щербатов занимает особое место в истории общественно-политических и исторических идей второй половины XVIII в. Изучению его деятельности посвящено большое число исследований. Многие его труды опубликованы⁹. Между тем мало использованными остаются многочисленные материалы личного архива Щербатова. Как известно, они были куплены Екатериной II вместе с его библиотекой, а позднее хранились в составе Эрмитажного собрания Императорской публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека). Их анализ, а также состав щербатовской библиотеки позволяют определить тот круг чтения, который был доступен русскому аристократу щербатовского поколения в 1750-х гг. Этому поколению предстояло во многом определять направленность общественно-политической и интеллектуальной жизни в России второй половины XVIII столетия во всей сложности ее содержания. Анализ щербатовских рукописей и публикаций 50-х гг. позволяет определить круг просветительских идей, который был усвоен в это время молодым русским аристократом. Как они повлияли на его дальнейшую жизнь и творчество — другая исследовательская проблема.

М. М. Щербатов принадлежал к древнему княжескому роду Рюриковичей. Его отец, Михаил Юрьевич Щербатов (1678–1738), являлся комнатным стольником Петра I и, вероятно, входил в число доверенных лиц юного царя. В 1698 г. он участвовал в подавлении стрелецкого восстания, позднее — в Северной войне. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. С 1731 г. до своей смерти он являлся архангелогородским генерал-губернатором. Мать М. М. Щербатова, Ирина Семеновна, происходила из княжеского рода Сонцовых-Засекиных, потомков ярославских князей.

М. М. Щербатов родился 22 июня 1733 г. Он был «поздним ребенком» отца, который не успел принять участие в его воспитании. Мальчик получал образование по преимуществу «женское». В Научной библиотеке государственного Эрмитажа хранится изданный в 1692 г. букварь, принадлежавший его единокровному старшему брату Петру Михайловичу Щербатову (1724–1760). Автором букваря являлся Карион (Истомин) (1640 — не ранее 1718), иеромонах московского Чудова монастыря, справщик Московской духовной типографии, позднее игумен. Многие листы букваря повреждены, вероятно, вследствие долгого использования для обучения. Позднее они были подклеены бумажными полосками, нарезанными из деловых бумаг и писем Ирины Семеновны¹⁰, так что можно предположить активное участие матери в начальном обучении сына. По букварю Петра Михайловича учился читать и маленький Михаил.

⁹ Травников С. Н. Щербатов М. М. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. С. 436–441; Переписка князя М. М. Щербатова / Введение и коммент. С. Г. Калининой. М., 2011. С. 3–42; см. там же литературу.

¹⁰ Собрание чудное сокровищ книжных: Библиотеке Эрмитажа 250 лет. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 36, № 2.

Этот букварь позволяет установить, что кроме грамоты в раннем детстве усвоил по нему Щербатов. Все начальные прописные буквы гравированы по западноевропейским образцам в виде людей в западноевропейских одеждах, тогда как изображения многообразных бытовых реалий, названия которых начинались с соответствующей буквы, — русские. Такие изображения воспитывали понимание ребенком единства европейского мира, тогда как условное изображение «Иерусалим-града» с церквями за стенами города символизировало единство христианского мира.

Среди слов, начинающихся на «І», т.е. «И» десятиричное, изображен человек, который держит перо, чернильницу, тетрадь или книгу. Это изображение сопровождала надпись — «Исторіограф» (в значении «историк»). Так что Михаил Щербатов усвоил слово «историограф» и его смысл того времени еще в раннем детстве.

Гравированные изображения в букваре сопровождались стихами со словами, начинающимися с соответствующей буквы. Эти стихи, вероятно, полагалось учить наизусть, чтобы лучше запомнить буквы, а они обучали детей многому. В частности, обращалось внимание на особое значение людей пишущих: «Право писати писмяно и нужно / Повестописцев слушай неутружно»; «Покой от труда всякому есть знати / Егда будеши и пером писати». В стихах со словами, начинавшимися на букву «С», подчеркивалось особое значение чести в отношениях между людьми: «Во всяком слове юн зри свое сердце / Да в двоудушестве не будет в нем дверце», в словах на «Ю» отмечались упорные труды в юности и отдых в старости: «Юности труды лепо есть давати / В старости будет всяк опочивати»¹¹.

Щербатов уже в раннем детстве усвоил и многие другие поучительные премудрости, кроме отдыха в старости. Впрочем, усвоенный в детстве слог древней письменности он сохранил на всю жизнь. Поэтому его произведениям, историческим, публицистическим, служебным, да и личной переписке свойственен архаичный стиль, столь отличный от быстро развивавшегося русского литературного языка середины — второй половины XVIII в.

Княгиня Ирина Семеновна хотела, чтобы ее сын имел современное образование и воспитывался, следуя аристократическим началам. С пятилетнего возраста он рос в Москве. Щербатов получил хорошее домашнее образование. В обучении большое значение придавалось французскому, немецкому и итальянскому языкам. Учил он латинский, и позднее, когда надо было, приводил цитаты из трудов латиноязычных авторов. Обучали его, видимо, также греческому и даже древнееврейскому, судя по тому, как он уверенно воспроизводил в рукописях нужные по их содержанию слова на этих языках. В библиотеке Щербатова находилось базельское издание учебных пособий древнееврейского

¹¹ *Карион (Истомин)*. Букварь славенороссийских письмен <...>. М., 1692. Л. 11, 18, 20, 35; здесь и далее тексты XVII–XVIII вв. приводятся в упрощенной транскрипции с учетом современной орфографии и пунктуации.

и латинского языков 1710 г.¹² Судя по учебным пособиям и словарям в его библиотеке, позднее он самостоятельно выучил английский.

Такой выбор древних и новых иностранных языков может свидетельствовать о том, что княгиня Ирина Семеновна хотела подготовить сына не только к общественной, но также к научной деятельности, к занятиям философией, литературой и искусством. Это намерение матери осуществилось в полной мере, так что Щербатов уже в 1760 г. перевел с французского языка изданную в Германии статью, содержащую свойственные тому времени идеи борьбы за интеллектуальный прогресс. Публикуя свой перевод, Щербатов выражал и свое отношение к преодолению застойных традиций материальной и духовной жизни: «Душа, равномерно, как и тело, имеет нужды свои, а величайшая нужда человеческая состоит в том, чтобы он упражнялся разумом. Скука же вскоре последующая праздности душевной есть толь болезненное состояние для человека, что лучше он предприимлет труднейшие работы для избежания сего мучения»¹³. Такие идеи явно перекликались с тем, что усвоил Щербатов в раннем детстве по Кариону (Истомину).

В соответствии с установившейся в послепетровское время традицией Михаил Щербатов был записан в 1746 г. в гвардию, в Семеновский полк. Так что службу он начал с сержанта, а завершил в чине капитана, когда в 1762 г. вышел в отставку в соответствии с указом Петра III о вольности дворянской. Судя по сохранившимся рукописным материалам, он с молодости до конца жизни профессионально писал о проблемах вооружения, экипировки и подготовки армии к походам и боевым действиям, но сам он в них не участвовал¹⁴.

Пребывание в Петербурге 1750-х гг. способствовало формированию Щербатова как личности, мыслителя и историка. На его работы тех лет в исследовательской литературе обращалось мало внимания. А те, кто писал о них, учитывали преимущественно его прижизненные и посмертные публикации.

Большое значение в выявлении и определении времени написания ранних работ Щербатова, опубликованных и неизданных, имеет исследование Н. Д. Чечулина «Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова»¹⁵. В его работе рассмотрены рукописи, хранившиеся в Публичной библиотеке. Но до сих пор с ними ознакомились крайне небольшое число исследователей. Между тем они имеют немалое научное значение. При анализе круга чтения Щербатова в 50-х гг. учитываются рукописи преимущественно исто-

¹² РНБ. Эрм. 586. Реестр библиотеки кн. М. М. Щербатова. Л. 32.

¹³ [Щербатов М. М.] Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа Пифагорейского // Ежемесячные сочинения [СПб.] 1760. Июль. С. 276–277.

¹⁴ На последнее обстоятельство внимание обратил С. Н. Травников: *Травников С. Н.* Щербатов М. М. С. 436.

¹⁵ Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова. СПб., 1900 (Отд. отт. из Журнала народного просвещения. СПб., 1900).

рического и философского содержания, хранящиеся в Эрмитажном собрании Российской национальной библиотеки (ОР РНБ.Ф. 885)¹⁶.

Среди рукописей Щербатова и его первых публикаций второй половины 50-х гг. значительное место занимают переводы сочинений иностранных авторов. Здесь и далее рассматривается только этот круг его чтения. Такие переводы являлись превосходным средством освоения идей западных мыслителей, распространения их среди тех россиян, у которых не было возможности хорошо выучить иностранные языки, купить эти дорогие книги, поддерживать людей думающих и тем самым страну в целом на высоком интеллектуальном уровне. Утверждая такое мнение, Щербатов писал, переводя с французского: «Я же, напротив того, содержу (т.е. считаю. — М. С.), что они (переводы. — М. С.) еще более достойны похвалы, нежели обыкновенно им придают, и что переводить на наш язык то, что **каждый век лучшего в других нациях произвел, есть вернейший из всех способов умножить наши знания, содержать вкус к хорошему учению, возвращать, если он будет пропадать, и не допускать, чтобы мы впали в невежество и в варварство, в кое мы толь долгое время были погружены**»¹⁷.

Многочисленные переводы, которые Щербатов выполнял для себя и для публикаций, отражали его интересы не только в гуманитарных науках, но также в самых разных отраслях знаний, от естественнонаучных и военных дисциплин до «Науки дворцекого конфетурщика (кондитера. — М. С.)»¹⁸. Круг его интересов был необычайно широк.

С трудами французских просветителей Монтескье и Вольтера Щербатов мог ознакомиться уже вскоре после их публикации. Уже в 1750 г. в петербургской академической книжной лавке осуществлялась продажа крайне значимого для эпохи Просвещения труда Монтескье «О духе законов», опубликованного в 1748 г., а почти всех произведений Вольтера — в год или на следующий год после их издания во Франции, Голландии, Германии или Швейцарии¹⁹. В библиотеке Щербатова хранилось амстердамское издание 1758 г. трех томов трудов Монтескье²⁰. Их щербатовские переводы должны были способствовать лучшему усвоению их идей прежде всего им самим.

Среди щербатовских рукописей хранится чистовой автограф перевода знаменитого труда Монтескье «Рассуждения о причинах величества римлян

¹⁶ Мы благодарны сотрудникам отдела рукописей РНБ за неизменное содействие в работе над многими темами российской истории и историографии.

¹⁷ [Щербатов М. М.] Оправдание переводов. Переведено с французского с сочинений аббата Гедоина // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль. С. 50.

¹⁸ Перевод этой книги см.: ОР РНБ. Эрм. Ед. хр. 162.

¹⁹ Копанев Н. А. Репертуар произведений Ф. М. Вольтера в Петербургской академической книжной лавке середины XVIII века // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII веках. Л., 1984. С. 80–93.

²⁰ РНБ. Эрм. 586. Л. 31 об.

и падения их» (перевод датируется 50–60-ми гг.). Большое методологическое значение имело в этой книге замечание Монтескье, в соответствии с которым без научного изучения не может быть раскрыто содержание исторических явлений. Как перевел Щербатов, «**сие требует рассуждения, без чего мы будем зреть приключения** (т.е. события. — М. С.), **не понимая их**»²¹. То есть в данном случае Щербатов вслед за Монтескье написал о важнейших категориях научного познания, разработанных позднее Г.В.Ф. Гегелем — о сущности и явлении. Этот принцип позволял преодолеть описательные методы в изложении исторических событий и превратить историю в науку аналитическую.

Обращаясь к истории Рима, Монтескье писал о благотворном значении для его граждан равного раздела между ними земель, что стало основой создания могущественной армии, способной защитить страну. И, напротив, Римское государство было обречено в условиях максимального обогащения немногих и разорения большинства. Превращая историческое исследование в сочинение публицистическое, Монтескье указывал на те же процессы в современной ему Франции²². Такие наблюдения разъясняли необходимость сохранения обеспеченного состояния свободного населения страны, предотвращения крайних имущественных различий, которые пагубно сказываются на состоянии простого свободного населения и армии государства — основы защиты отечества. Всё это, как показал исторический опыт Римской империи, угрожало существованию государства в целом. Эти наблюдения учили нравственности в отношениях людей разных имущественных состояний.

Переводя Монтескье, Щербатов проходил курс наук по истории политического устройства государств древних и XVIII в. Он переводил текст Монтескье о вреде для государства тирании и фаворитизма правителей, которые обогащают своих друзей и родственников. Строгостью «древних нравов» и соблюдением законов Монтескье, а вслед за ним и Щербатов, объяснили победу Рима в его войнах с Карфагеном, в котором «простые люди имели королевские богатства», тогда как война «еще более разномыслие умножала»²³. Такие идеи обличали современные Монтескье правящие режимы и учили нравственности тех, кто принадлежал к правительственной элите, предупреждая о гибели их самих и их государства.

Труд Монтескье давал Щербатову повод для размышлений над самыми разными формами государственного правления, монархического, аристократического и «римского», которому Монтескье отдавал предпочтение. Вместе с тем Монтескье особо предупреждал о мнимом внешнем спокойствии при азиатском деспотизме, возможном и в европейских странах. Как перевел Щербатов, «но в согласии азиатического самовластья, сиречь каждого неумеренного правле-

²¹ РНБ. Эрм. 304. С. 26; в рукописи авторская валовая постраничная нумерация.

²² Там же. С. 27–28.

²³ РНБ. Эрм. 304. С. 35–37, 47.

ния, всегда действительной раздор обретается, ибо земледелец, военной человек, купец, судья и благородной един токмо тем соединены, что единой другого без сопротивления утесняет; и если и видно соединение, сие несть соединение граждан, но соединение мертвых тел, единых возле других погребенных»²⁴.

Щербатов переводил наблюдения Монтескье об особом значении соблюдения законов в тяжелейших испытаниях и в достижениях, при самых разных формах правления, о нравственной категории чести в государственной системе. Поэтому переводя с французского, он излагал предупреждение великого мыслителя правителям, которые «бесчестят» свой народ: «Народ легко может терпеть, когда с него требуют новых податей, ибо не знает, не в полезное ли ему употребят требуемые с него деньги. Но, когда его бесчестят, то единственно чувствует свое несчастье и прилагает к тому изображение всех возможных злоключений»²⁵. Французские короли не поняли всего значения такого рода предупреждений, что стоило Людовику XVI головы, а Франции — многих революций.

Щербатов перевел также наблюдения Монтескье над характеристиками исторических деятелей в современных им и в последующих во времени материалах, а также оппозиционных им людей и партий. Со временем они меняются в своем значении вследствие победы другой партии, которая пришла к власти. Наблюдение Монтескье обращало внимание Щербатова на то, что историк должен самостоятельно изучить деятельность исторического персонажа, а не ссылаться на мнения о нем сторонников и противников, современников и потомков. Монтескье умело исследовал социально-политические структуры и массовые общественные настроения. Так что Щербатов переведил написанное о диктатуре децемвиров, которые подавили «вольность» Рима: «Тогда во граде токмо стало два рода людей: то есть, терпящие покорствие и те, которые для собственных своих прибытков старались оное утвердить»²⁶. Это был урок Щербатову в изучении общественных настроений в связи с изменениями в политической организации государства. Другой урок относился к стилю повествования в историческом исследовании. Следовало конкретно и ясно излагать события, а не использовать их для славословия «великим людям»²⁷.

Щербатов перевел и другой труд Монтескье «О духе законов» (в его переводе «De l'Esprit des lois» — «О разуме законов»). В этой значительной книге его особое внимание привлекла тринадцатая глава двадцать пятой книги под названием в переводе Щербатова «Нижайшее представление инквизиторам Гишпаниии и Португалиии»²⁸. Данный перевод Щербатов включил в рукописный сборник своих сочинений и переводов 1759–1760 гг. Многие из них он

²⁴ Там же. С. 97, 104–105.

²⁵ Там же. С. 3, 47, 106.

²⁶ РНБ. Эрм. 304. С. 5, 12.

²⁷ Там же. С. 51.

²⁸ РНБ. Эрм. 228. С. 60–65.

датировал сам, в том числе и перевод этой главы (указан 1759 г.). Данная глава является страстным призывом к веротерпимости и гуманности как к одному из основных принципов наступившего века Просвещения. Ее содержание недвусмысленно соотносилось с политикой религиозной нетерпимости императрицы Елизаветы Петровны. Его перевод именно этой главы может свидетельствовать о том, что такая политика вызвала протесты русских интеллектуалов, в том числе и в офицерской среде.

В библиотеке Щербатова находился труд Вольтера «Век Людовика XIV», первый том которого был впервые опубликован в 1751 г. Уже в 1758 г. Щербатов перевел первую часть этого тома. Рукопись перевода представляет собой чистовой автограф с авторской валовой постраничной пагинацией. Этот перевод позволяет узнать, какие идеи, составляющие историческую концепцию Вольтера, Щербатов узнал в молодости, находясь на военной службе и не подозревая, что ему предстоит стать выдающимся историком своего времени.

Щербатов перевел сформулированную Вольтером исследовательскую задачу: не только описать жизнь этого короля, но и его эпоху в целом. Здесь же он привел основные принципы периодизации всемирной истории у Вольтера. Первый из «веков» «разума человеческого» — Греция V–IV вв. до н.э., позднее названный в научной литературе «классическим периодом» и «эллинизмом». «Остальные земли в варварстве погружены были», — перевел далее Щербатов. Краткое изложение средневековой истории Франции Вольтер резюмировал (в переводе Щербатова): «Так в течение девятисот лет наш разум был почти всегда стесняем под готическим (т.е. средневековым. — М. С.) правлением, посреди раздоров и междоусобных времен, не имея ни твердых законов, ни твердых обычаев, переменяя каждые два века грубый язык на грубый же; знатные, быв без повиновения, зная токмо войну и праздность; духовной чин жил токмо в беспорядках и невежестве, а народы — без искусства, погруженные в их нищету. Французы не имели участия ни в великих изобретениях, ни в удивительных выдумках других наций»²⁹.

Вольтер иронично писал об излишне обстоятельных повествованиях об исторических событиях. В переводе Щербатова он резюмировал: «...**итак, всё, что бывает, не достойно быть писано**». Этот метод подразумевал выделение главного в исторических фактах, стремление выявить во множестве событий их суть.

Столь же значимым являлось обозначенное Вольтером основное содержание предстоящего исследования. Щербатов перевел: «Потщимся здесь показать, какова была Франция и другие государства Европы прежде рождения Людовика XIV, потом опишем великие приключения политические и военные его царствования. **О внутреннем же правлении государства, яко о важнейшей причине для народов, будет писано особливо.** И домашняя жизнь Люд-

²⁹ РНБ. Эрм. 295. Л. 3–4, 7–8.

вика XIV, особенности его двора и царствования также немалое место займут. Другие же пункты определятся к показанию художеств, наук и успехов разума человеческого в сем веке. Наконец, будет говорено о церкви, которая уже столко времени соединена с правлением и иногда его беспокоит, а иногда подкрепляет, и которая, уставляема учить нравоучению, часто впадает в политику и страсти человеческие»³⁰.

То есть Щербатов уже в молодости хорошо усвоил мысль, в соответствии с которой вольтеровская концепция исторического исследования заключалась в превращении изучения правления французского короля в исследование его эпохи. Значение короля выявлялось посредством исторической экспозиции — рассматривалась предшествующая история Франции и других европейских стран. Основным содержанием книги должны стать не мелкие подробности личной жизни короля, а события исторического значения, изучение особенностей его правления. При этом биография Людовика, история его правления становились составной частью той эпохи.

Переводя в молодости труды Монтескье и Вольтера, которые стали классикой европейской литературы эпохи Просвещения, Щербатов определял свое отношение к ним, усваивая их идеи или, напротив, уточняя свои взгляды по оппозиции к ним.

Наряду с трудами историко-философского содержания Щербатов подготавливал себя к предстоящим разысканиям историка, переводя своего рода энциклопедию исторических знаний того времени, — коллективный труд английских историков: «An Universal History from the Earliest Account of Time to the Present, compiled from Original Authors and Illustrated with Maps, Cuts, Notes, Chronological and Other Tables» (Dublin, 1744–1745. Vol. I–XX). Щербатов изучал и переводил его, пользуясь французским переводом: «Histoire Universelle, depuis le commencement du monde, jusqu'a présent. Traduite de l'anglois d'une Société de gens de lettres» (Amsterdam; Leipzig, 1748. Livres I–V).

Щербатовский перевод представляет собой четыре огромных тома in folio. Это чистовой автограф, написанный мельчайшим почерком с авторской правкой, под названием на титульном листе: «Гистория универсальная от сотворения света даже до ныне, переведенная с аглинского языка на французской собранием ученых мужей»³¹. На первой странице первого тома рукой Щербатова написана дата 1755, в конце тома — «1758 году августа 17 дня» На титульном листе третьего тома Щербатов указал дату — 27 августа 1758 г., на его последнем листе — 4 февраля 1760 г., на титульном листе четвертого тома — 25 февраля 1761 г. Неясно только, эта последняя дата — начало перевода последнего тома или его завершение. Но очевидно, что Щербатов переводил и переписывал эти тома последние шесть лет своей армейской службы.

³⁰ Там же. Л. 9–10.

³¹ РНБ. Эрм. 303/1–303/4; Н. Д. Чечулин не смог установить, какой труд Щербатов в данном случае переводил: *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений... С. 17, примеч. 2.

Этот труд может свидетельствовать о том, что Щербатов уже тогда воспитывал себя как историка. Он осваивал западноевропейский опыт по новейшему тогда обобщающему историческому исследованию. Впрочем, его начальная часть содержала изложение событий в соответствии с библейской историей. Но в начале второго тома находится предисловие, в котором отражено понимание авторами этого труда истории как светской науки.

Авторы книги утверждали, что история является «частью наук, иже более Разум просвещает и нужнейшая <...>». Вслед за предисловием Щербатов перевел определение основного содержания истории как науки: «Подобные труды, как примечает Цицерон, **простирают наши знания за наиотдаленнейшие места, побеждают время** и делают нас, несмотря на пространственную отдаленность мест и веков, некоторым образом, яко очевидными свидетелями всех приключений (событий. — *М. С.*), которые произвели величайшие пременения (перемены. — *М. С.*) и удивительнейшие возмущения (так Щербатов перевел: “les plus étonnantes Révolutions”. — *М. С.*) в свете. Чрез сей способ мы живем почти в самое то время, как свет был сотворен; видим, в каком он состоянии был и каком своем создании, <...>, **как царства и цари учинились, возвеличились и разорились и какие были причины, которые ежечасно в истории обретаются**, могут быть рассудительному читателю весьма хорошие правила в поведении как государственных, так и собственных его дел». То есть Щербатову уже в молодости стал известен один из основных принципов исторической науки — не только установление исторических фактов, но также исследование причин происходивших событий — принцип, которому он будет следовать в своих трудах, посвященных российской истории. Это стремление к установлению объективных причин происходивших событий он видел тогда и в трудах Монтеסקье и Вольтера.

В переведенном Щербатовым предисловии сообщалось, что в этом труде будут рассмотрены основы хронологии, истории денежного обращения, весовых систем. Авторы «Истории универсальной» обещали также обращать внимание на условия материальной жизни («достойные любопытства вещи, как сделанные искусством, так и природные поминаем, потом о градах, реках, горах, озерах, одним словом, о том всем, что есть примечательного во всякой провинции»), а также этнокультурной истории («начало и древность жителей, которых мы рассматриваем, законы, правление, веру, обыкновения, установления, язык», новейшие достижения разума — «науки и мореплавание»).

Показательно, что эти характеристики материальной и духовной жизни человечества авторы «Истории универсальной» первыми указали как начальные, определяющие в конкретном изложении исторического процесса. История политическая описана как события последующие: «Наконец, представляем последствия и историю государей всякая земля, что содержит в себе историю войн, мирных договоров, возмущений (восстаний. — *М. С.*) и всех знатных приключений (событий. — *М. С.*)». Авторы обещали приводить все известия об исто-

рических событиях, оставляя читателям возможность размышлять о степени достоверности этих сведений: «...оставя нашим читателям о достойной им вероятности рассуждать». Они привели сообщения о многочисленных древних авторах, сочинения которых использованы в их труде как исторические источники, но обращали внимание на совмещение в этих произведениях достоверных сведений, как написано о Гомере, с «баснословными вещами». Поэтому, как перевел Щербатов вслед за авторами «Истории универсальной», «историк рассудной» «в состоянии правду от лжи» отделить и «может из них хорошие материалы для истории выбрать»³². Так что критика памятников письменности подразумевалась еще не источниковедческая, а рационалистическая.

Вслед за авторами Щербатов переводил сведения об основных видах исторических источников: хроники и анналы, которые велись в «градах и государствах», архивы, которые «содержали письма, договоры и прочие документы», о содержащихся в них сведениях о событиях общественных и культурных: «торжества, строение градов, столбов, жертвенников, гробов и других подобных [сооружений] для памяти созданных строениями и вещами». Обращалось внимание также на традицию надписей на камнях, которые использовались «древними историками» как свидетельства о произошедших событиях. Авторы «Истории универсальной» призывали к критическому отношению к используемым древним материалам. Они предупреждали, что, как перевел Щербатов, жрецы в их «усердной» службе богам «имели пользу обманывать». Они и народ «выдумывали чудеса», «вмешали оные в их сказания и привели посредство их богов в главные приключения, и в сем пункте лучшие историки обмануты быть могли».

Не доверяя сведениям «жрецов» «в материях политики, войны, новых установлений, договоров, смертей княжеских и протчая», авторы в соответствии с уже накопленными научными знаниями предупреждали: «Сказания о небесных чудесах есть излишность, введенная суеверием во все истории света».

Авторы «Истории универсальной» обращали внимание на необходимость критического отношения к известиям источников и к их тексту. Так что они сообщали читателям: «...для того мы всегда старались извещать по крайней мере в примечаниях, в чем писатели разнствуют, понеже несправедливо есть, чтобы наши читатели слепо поверяли рассуждению нашему». Кроме такого сопоставления известий исторических источников столь же важна «хорошая хронология», дабы «представить всякое важное дело в его истинном числе». География — «другая часть, нужная истории». Поэтому авторы «старались с подлинностью показать место положения градов, рек, лесов, озер и гор, о которых имели случаи помянуть». Но и в данных сюжетах они стремились к критическому анализу историко-географических сведений: «Мы всегда старались сводить в примечаниях древнюю географию с новой и показывать межи (границы. — М. С.) земель прежние и нынешние одного народа».

³² РНБ. Эрм. 303/2. С. III, IV, X–LVI.

Большое значение имели метрологические наблюдения над денежно-весовым содержанием монет, мер веса и длины, которые позволяли конкретизировать реалии материальной жизни людей в древности³³.

Такое обстоятельное изучение истории посредством переводов «Истории универсальной» и трудов французских просветителей не только усилило интерес Щербатова к этой науке, сообщило ему некоторые основные сведения о ней, но также показало, что исторические знания являются составной частью всех наук об обществе. Данный вывод подтверждает анонимно опубликованный в 1759 г. Щербатовым отрывок из «Истории универсальной». Впрочем, этот отрывок посвящен не историческим событиям, а категориям этики, нравственности в политике.

В своем переводе, озаглавленном «Нравоучительные мнения некоторых персидских царей по восточным писателям», Щербатов обратился к «царям», в том числе и к императрице Елизавете Петровне: «Итак, остерегайтесь от поспешных судов и предупредите чрез сие сожаления, которые не могут вред сей исправить». Английские авторы разрушали свойственное обыденному мышлению представление о добром царе и его плохих боярах, так что Щербатов перевел: «Злые цари имели иногда благих министров, но благие и мудрые цари никогда долго злых министров не держали». Перевел он и содержащуюся в «Истории универсальной» мысль о преходящей значимости богатства и власти, которые пробуждают в людях гордыню.

Недовольство Щербатова современной ему российской действительностью прослеживается и в переведенном им совете «царя Фридуна» своему наследнику. В нем были сформулированы этические и конкретные просветительские идеалы: «Делай правосудие, дерзких укоряй, несчастных утешай, люби твоих детей, **защищай науки**, последуй советам старых твоих министров, воспрепятствуй молодым людям вступать в дела государственные; **польза твоего народа да будет главная и единая причина твоих намерений**»³⁴.

Об особом внимании Щербатова к проблемам нравственности свидетельствует его обращение к «Очерку о человеке» Александра Поупа (Pope) (1688–1744), которого в русском произношении вслед за французской традицией именовали Попом. Поуп в 1733 г. издал замечательную по форме и содержанию поэму «Очерк о человеке». В нем были сформулированы проблемы, которые волновали на Западе философов и, шире, интеллектуалов в переходную эпоху от раннего Нового времени к обществу индустриальному: противопоставление деизма средневековому теизму, определение божественных начал в новом обществе и как следствие этого создание новой этики.

Вскоре после выхода в свет поэма А. Поупа была переведена на несколько иностранных языков, в том числе на французский и немецкий, и стала доступ-

³³ Там же. С. LVII–LXXIX.

³⁴ [Щербатов М. М.] Нравоучительные мнения некоторых персидских царей по восточным писателям // Ежемесячные сочинения. [СПб.] 1759. Июль. С. 55, 57–58.

на хорошо образованным российским читателям, в среде которых знание английского языка встречалось еще крайне редко. В московскую академическую книжную лавку в 1749 г. поступили два экземпляра поэмы, и проданы они были в том же году³⁵. Французский перевод шеститомного собрания сочинений Поупа, изданного в 1754 г., находился и в библиотеке Щербатова³⁶. О том, что интересовало тогда в поэме Поупа русского интеллектуала, как он воспринимал содержащиеся в ней идеи, свидетельствует предисловие к ее переводу на русский язык ученика М. В. Ломоносова Н. Н. Поповского (1730–1760), который стал профессором Московского университета. Основное содержание первого «письма», т.е. главы, поэмы Поповский раскрыл прагматически: премудрость Божия проявляется в том, что промысел Божий **«самые нравственные наши недостатки обращает без сомнения в общую и повсеместную пользу всего мира пользу»**.

Обстоятельно изложил Поповский содержание второго «письма», не без иронии написанное по отношению к теологам и философам: «Во втором [Поуп] научает нас не мешаясь в Божеский промысел рассуждать только о самих себе, и минуши тонкости философские о причинах согласия между действиями душевными и телесными, и о бессмертии души, чего философы еще и доселе не разобрали, представляет в человеке только то, что никакому сомнению не подвержено, то есть, что **действий человеческих суть два начала, разум и самолюбие**; что оба сии начала сами в себе никакого в себе никакого порока не имеют, понеже и то, и другое от врожденно в нас Бога; что и то и другое, **если правильным образом употребляемо будет, служит к человеческой пользе**, что погрешение и в том, и в другом происходит от слепоты человеческой, а не от Бога, который и здесь, также как и во всей природе, **недостатки и погрешности обращает к общей пользе <...>**». Тем самым Поповский обращал внимание на содержащееся в философии Поупа снисхождение к слабостям человеческим.

Содержание третьего «письма» Поповский раскрыл как утверждение общества на основах дружбы и взаимной помощи, а не враждебных друг другу личностей. Отметил он также содержащуюся в концепции Поупа идею гражданственного служения обществу в целом, что было противоположно утверждавшемуся на буржуазных началах в западноевропейских странах принципу индивидуализма и личного успеха в ущерб правам других людей: «В третьем [Поуп] утверждает человеческую принадлежность к обществу, доказывая, что один никто быть не может, что люди требуют взаимные помощи, <...> **чтобы люди друг другу служили**. Напоследок говорит, что **естественное состояние или первейшее сообщество между людьми не была война, но любовь и дружба**. Потом последовало **сообщество гражданское от взаимных нужды**.

³⁵ *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 158.

³⁶ РНБ. Эрм. 586. Л. 36.

Напоследок заключает, что любовь к самому себе и любовь к другим есть та же и разделиться не может, и **чем кто искреннее себя самого любит, тем больше должен стараться о пользе и целости всего общества**».

Основной смысл четвертого «письма» Поповский раскрыл как утверждение гармонично существующего общества на основах равенства и справедливости. Средством достижения такой цели должно было стать, по Поупу, то, чего можно было достигнуть усилиями каждого человека — исправление нравов. Это была любимая идея интеллектуалов эпохи Просвещения: «<...> **мы о своем счастье не должны рассуждать только по одному своему состоянию, но по общему концу и пользе всех тварей. Мы по естеству все равны, и нет достойнейшего, ибо Бог никого не любит больше прочих, следовательно, и счастье должно быть всем одно и общее.** Поэтому здравие, красота, благородство, богатство и прочие не могут быть первым и общим блаженством, понеже не всем они достаются и притом переменяются, а **счастье должно быть у всех и непременно. До добродетели и доброй совести достигнуть всем вообще можно, <...>, добродетель есть первое благополучие**»³⁷.

Эти и многие другие конкретные наблюдения и философские обобщения Поупа, изложенные Поповским, свидетельствуют о том, что еще в молодости, находясь на армейской службе в Петербурге, Щербатов прошел курс интеллектуальной подготовки не только на классических произведениях французских просветителей, но также на идеях новейшей английской философии на самом высоком для того времени интеллектуальном уровне. Все они пропагандировали идеи деизма, гуманности, самоценности человека, справедливости человеческих отношений, потому что счастье одного человека зависит от всеобщего счастья. Они утверждали новые идеи научной познаваемости материального мира и его исторического прошлого.

Щербатов перевел также научно-популярный труд «Grammaire des sciences philosophiques ou Analyse abrégé de la philosophie modern, appuyée sur les expériences; traduite de l'anglais de Martin» (Paris, 1749). Когда Щербатов перевел его, установить не удалось³⁸. В этой книге, которую Щербатов назвал в своем переводе «Грамматика наук философических», обобщен огромный опыт, накопленный к середине XVIII в. в естественных науках и в философии³⁹. Такой интерес к научным знаниям Щербатов объяснял в соответствии с просветительскими принципами в письме Г. Ф. Миллеру от 9 июня 1760 г.: «<...> **все науки тем более полезны, что они могут служить исправлению наших нравов**». В том же письме он сообщал Миллеру, что и его переводы должны служить просвещению людей: «<...> так как я заявляю, что перевожу как можно более буквально, ничего не прибавляя и не сокращая, я верю, что красоты, правильность и основательность мыслей проникнут сквозь недостатки моего

³⁷ Поповский Н. Предисловие // Поп А. Опыт о человеке. М., 1757. С. 1–4.

³⁸ Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений... С. 6.

³⁹ РНБ. Эрм. Ед. хр. 125.

перевода и произведут впечатление на ум тех, кто читает, чтобы извлекать [из прочитанного] пользу (*qui lisent pour profiter*)»⁴⁰.

Нет сведений о том, что Щербатов хотел издать свой перевод «Грамматики наук философических», но несомненно, что в соответствии с просветительскими принципами он открывал для себя по этой книге всю сложность существующего мира на уровне научного знания того времени.

Видимо, неудовлетворенность современной российской действительностью, явная оппозиционность религиозной политике Елизаветы Петровны, которая преследовала иноверцев и старообрядцев, имели следствием обращение Щербатова к философии стоиков, которые противопоставляли несовершенству этого мира высшие нравственные ценности, основанные на разумности и добродетели. Поэтому он перевел из издававшегося в Берлине в 1750–1755 гг. журнала «Парнасская пчела»⁴¹ статью, озаглавленную им как «Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса и Арриана», т.е. из сочинений классика античной стоической философии Эпиктета (ок. 50 — ок. 138) и его последователей Арриана (ок. 95 — 2-я пол. II в. н.э.) и Симплициуса (ум. 549).

В статье несбыточным мечтаниям противопоставлялись прагматические начала реальной жизни: «Делай, что ты можешь, и употребляй все вещи и другие так, как они приходят». Но то, что совершается, должно было быть справедливым. Вслед за философами-стоиками Щербатов писал в своем переводе о верховенстве духовной жизни над суетностью мирских мыслей и благ, унижающих и уничтожающих в человеке его достоинство и высокое предназначение.

Эти размышления о вечной для людей проблеме противопоставления духовного и нравственного материальному, но недостойному привело Щербатова вслед за автором статьи к закономерному вопросу: «Мы все боимся смерти тела, но кто душевной смерти страшится?» Праведная жизнь вела в этой грешной жизни к тяжким испытаниям, и Щербатов перевел текст автора статьи, в которой выражалась его решимость эти испытания выдержать: «Господи, нашли на меня все испытания, какие тебе угодно, я всё готов сносить; ты мне дал довольную крепость, и я чувствую себя в состоянии славно превозмочь наизлейшие приключения (т.е. события. — М. С.)». Вероятно, в последующей жизни Щербатов не раз вспоминал об этом жизненном принципе.

В заключение статьи Щербатов перевел афоризм, относившийся также к научной работе: «Величество разума не измеряется по пространству знаний, но по истине и по подлинности оных». То есть главное — не количество сведений, а их достоверность и обоснованность выводов⁴². Такое мировоззрение не могло не формировать в нем ученого. Интерес Щербатова к философии

⁴⁰ Переписка князя М. М. Щербатова. С. 171; здесь и далее письма на французском языке приведены в переводе С. Г. Калининной с незначительными коррективами.

⁴¹ *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений... С. 17, примеч. 3.

⁴² [Щербатов М. М.] Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса и Арриана // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759. С. 243–246, 249, 252.

Эпиктета был значителен, так что в его библиотеке находился изданный в Гааге в 1734 г. труд, излагавший основное содержание его концепции⁴³.

Приведенные ранее переводы Щербатова свидетельствуют о его особом интересе в молодости к просветительским идеям общего блага и к историзму в анализе общественной жизни. Его внимание привлекли распространившееся тогда стремление к активной общественной жизни и совершенствованию отдельного человека, к самостоятельности мышления, стоицизм, тенденция к идейной независимости от властей. В его переводах выразился интерес к идеям светского содержания духовной общественной и личной жизни, к веротерпимости и гуманности в обществе. Вслед за просветительской литературой он воспитывал в себе научное мышление, в котором особое значение имели история и право, законы. При этом первенствовать должна была духовная жизнь, а не суетность мирских мыслей и благ, которые унижали, а то и уничтожали в человеке его достоинство и высокое предназначение. Идеи социальной гармонии и справедливости существовали в щербатовских переводах наряду с просветительскими представлениями о свободе личности, о равенстве перед законом. Его мышление воспитывалось на лучших образцах просветительской литературы, в которых утверждалась необходимость преодоления традиций средневековья как времени варварства. Им противопоставлялся век Просвещения, которому были свойственны новая нравственность, законы, науки, культура. В исторической науке анализ событий и их причин должен был заменить описательность, а история эпохи — историю монархов.

Другие переводы и статьи М. М. Щербатова позволяют расширить круг сведений о его интеллектуальной жизни в молодые годы. Правление Елизаветы Петровны давало молодому гвардейскому офицеру много поводов для размышлений над проблемой нравственности. В поисках ответов на многочисленные вопросы он обратился в 1758 г. к популярному в то время в западноевропейских странах труду Фенелона «Наставление для совести короля, сочиненное для научения Людовика французского герцога бургонского господином Салиньяком деламотом Фенелоном, архиепископом герцогом Камбрэнским, его учителем». Рукопись перевода является списком, но заглавие написано рукой Щербатова⁴⁴.

Автор переведенной Щербатовым книги — Франсуа де Салиньяк маркиз де ля Мот Фенелон (1651–1715), писатель и моралист. Педагогический талант и нравственные принципы Фенелона были использованы в 1689 г. для воспитания внука французского короля герцога Бургундского. В числе произведений, написанных Фенелоном для своего воспитанника, находится сочинение, которое привлекло особое внимание Щербатова. В предисловии к «Наставлению» указывалось, что оно предназначено для «действительного поправления нравов» будущего наследника престола (здесь и далее текст «Наставления» при-

⁴³ РНБ. Эрм. 586. Л. 33 об.

⁴⁴ РНБ. Эрм. 117.

веден в переводе Щербатова). По мнению Фенелона, правители должны быть «учтивыми, справедливыми, правосердечными, умеренными, жалостливыми и готовыми прощать учиненные противу их прегрешения», тогда как льстецы стремятся воспитать в них «гордость, жестокость и лукавство», противоположные «уставам справедливости и человечества». Содержание этих принципов Фенелон раскрыл в «наставлениях», он формулировал основные начала, которым должен следовать правитель. Не искал ли правитель советников, склонных льстить в мыслях честолюбивых, тщеславных и «обманчивых». Старался ли он «познать истинную форму правления» своего государства. «Надлежит знать настоящее», а не только «прошедшее». Стараются ли он «уменьшить роскошь и остановить разорительное непостоянство». Не показал ли он «худым примером иль неумеренно вольным словом, иль шуткою» «неприличным образом говорить об законе». Не взял ли он «чего у кого» из своих подданных «токмо [по] своей власти и противу правил». Не вершил ли он «неправосудия». Дал ли он «всем секретарям <...> министров и другим людям, в нижних чинах обретающимся, довольное жалование, чтобы могли без нужды жить, не брав ничего от дел». Старался ли он облегчить жизнь народа и собирать с них подати для нужд государства столько, сколько нужно для собственной пользы народа. Не умножил ли он число чинов и должностей для пожалования ими своих приближенных. Знал ли он, что его «министры брали имения ваших подданных для вас, не заплатив справедливой цены». В договорах с «партикулярными людьми» так ли он справедлив и соблюдает условия, как договаривался. Справедливы ли рекрутские наборы. Дает ли он своим солдатам «довольное жалование, чтоб они могли жить, не грабя никого». Не совершил ли он «какого правосудия чужестранным нациям». Награждал ли он «правосудно (по справедливости. — М. С.) достоинство всех ваших подданных, которых могли в чины употребить». Не «приучил» ли он своих «служителей» к расходам сверх состояния их и к награждениям, которые отягощают государство. Не сделал ли он кого фаворитом без достаточных оснований. Обращаясь к правителю, Фенелон вопрошал: «Не со излишеством ли вы разливали благоденствия на главы ваших министров, временщиков и друзей тогда, когда оставили в нужде людей, имеющих достоинства, которые долгое время служили, а защитников не имеют?»⁴⁵ Все эти вопросы Фенелона проецировались на российскую действительность 50-х гг. XVIII в. и, вероятно, соответствовали взглядам Щербатова на то, что происходило в его стране. Об особом внимании к трудам Фенелона свидетельствует наличие в щербатовской библиотеке его другого обобщающего сочинения — это «Философский очерк о гражданском правлении» (London, 1721)⁴⁶.

Щербатова интересовали также сложные вопросы изучения государства как в историческом, так и антропологическом контексте. Среди его переводов находится рукопись сочинения «Рассуждение о причинах установления

⁴⁵ Там же. С. 4–44.

⁴⁶ РНБ. Эрм. 586. Л. 34 об.

и отменения законов творцом Истории Бранденбургской». Автора и авторское название этой книги установить не удалось. Рукопись представляет собой чистовой автограф с незначительной авторской редакционной правкой, постранично пронумерованный Щербатовым. На первом нумерованном листе рукописи рукой Щербатова написано: «О притч. устан. закон.». Далее он указал «1758 год». Эту цифру он зачеркнул, а поверх ее написал «62», но ее также зачеркнул, а рядом указал: «Москва 1762 год». Можно предположить, что после осуществления этого перевода Щербатов вспоминал время работы над ним. Он сокращенно повторил название и привел первую дату по памяти. Видимо, это был год начала работы над переводом книги. Но затем он этот год зачеркнул и указал «62». Как отмечено ранее, 1762 г. в жизни Щербатова — время его отставки от армейской службы и переезда в Москву. Совершенно очевидно, что Щербатов много времени потратил в этом году на дела по организации перевозки из Петербурга в Москву, вероятно, значительного хозяйства, включая библиотеку и рукописи, после многолетнего пребывания в северной столице. Времени на осуществление полного перевода книги в 1762 г. у Щербатова также не было. Можно предположить, что первая из написанных им дат «1758 год» — приблизительное, по памяти установленное время начала перевода книги в Петербурге. Запись «Москва 1762 год» — время и место завершения работы над переводом, в которых Щербатов не сомневался. Так что идеи книги, которые его особо заинтересовали, относились еще ко времени его армейской службы в Петербурге.

«Рассуждение о причинах установления и отменения законов» в переводе Щербатова уже в самом начале устанавливало исторический принцип в изучении изменений законов во времени: **«Те, которые хотят приобрести точное знание, каким образом должно устанавливать или отменять законы, не могут инде его окромя истории почерпнуть»**. При этом в соответствии с эпохой, когда книга была написана, обращалось внимание на то, что только те законы были «долговременными», которые «единственно старались об **общем благополучии**» и которые более соответствовали этнокультурным особенностям народа.

В книге был предпринят опыт изучения истории законодательства в связи с историей общественного строя. Традиционно для историографии XVIII в. начальный период истории развития общества определялся семейной организацией. В ней «отцы фамилий были первые законодатцы». Причина последующих изменений законов заключалась в том, что общественный строй стал более сложным: «<...> люди стали собираться во граде», тогда как древние законы «стали недостаточны для многочисленного собрания». В переведенной Щербатовым книге был предпринят опыт характеристики известных тогда древнейших законов: «Первые законы токмо великие непристойности (т.е. правонарушения. — М. С.) отвращали, гражданские же [законы] учреждали службу богам, раздел земель, договоры супружества и наследства». Особо характеризовалась начальная история уголовного права: «Криминальные же

законы были токмо строги для таких преступлений, от которых более [тяжелых] следствий опасались, и потому по мере, как бывали неожиданные случаи, то новые беспорядки производили новые законы», т.е. определяющей материальной причиной развития уголовного законодательства являлась практика правонарушений.

Последующие изменения общественно-политического строя заключалась в том, что «от соединения градов сочинялися республики». «Наскучивши демократией (народным правлением), народ переходил к аристократии (правление некоторого числа главных⁴⁷ людей). Наряду с “аристократическим правлением” могло появиться и “монархическое правление” в результате доверия людей к одному из “добродетельных” “своих граждан”, иль обманами какой честолюбивый похищал вышнюю власть»⁴⁸.

Далее в книге излагается краткая история Древнего Египта, Древней Греции, Рима, германцев, а также Франции, Англии и других «ученых народов», которых просветители называли «цивилизованными», в различиях их «правлений» и законов. Обобщая это повествование, автор книги в переводе Щербатова делал вывод: «Мы еще заметим, рассматривая поступок мудрейших законодателей, что **законы должествуют сходствовать с родом правления и со склонностию нации**, которой они предписывались, что лучшие законодатцы имели в предмет (т.е. целью, задачей. — М. С.) **публичную пользу** и что, вообще, все **законы**, которые **сходственные с естественною справедливостью**, с некоторым исключением **суть лучшие**»⁴⁹. То есть еще раз утверждались основные принципы законодательства. Оно должно соответствовать основному содержанию правления, этнокультурным традициям и желаниям народа, общей пользе. Но дополнены эти основы права еще принципом «естественной справедливости», т.е., как следует из последующего повествования, «все граждане находят» в существующих законах «свою пользу». Этот принцип утверждал в законах начала социальной и правовой справедливости.

Рукопись «О пользе гражданских законов» была опубликована Щербатовым в 1759 г. под названием «О надобности и о пользе градских законов»⁵⁰. Она свидетельствует о его значительном накопленном опыте в изучении сложнейшей проблемы происхождения и значения законов и власти. Щербатов начал эту статью с важнейшего утверждения: «**Человек сотворен для сообщества**». То есть он в полной мере обоснованно рассматривал человека как постоянного члена общества, а не индивидуума, некоего Робинзона, существующего отдельно от общества. Изданная в 1719 г. книга Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» была популярна в странах Западной Европы не только благодаря ее занимательности, но и философскому смыслу — возрождение человека в единении

⁴⁷ Слово *главных* Щербатов приписал на полях страницы.

⁴⁸ РНБ. Эрм. 46. С. 3–7; в круглых скобках разъяснения Щербатова.

⁴⁹ Там же. С. 30.

⁵⁰ *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений... С. 17.

с природой вдали от суетного человечества. Эту идею поддержал и активно разрабатывал Жан-Жак Руссо. Так что исходный тезис размышлений Щербатова имел в то время, да и значительно позже, вплоть до наших дней, принципиальное значение в связи с распространением антропологических методов изучения истории.

Но эта исходная посылка обосновывала следующее утверждение М. М. Щербатова: «Следовательно, он сотворен, чтоб жить под законами и под властью», т.е. отношения между людьми должны регулироваться правовыми нормами, а само общество должно управляться властными институтами. Эти отношения в обществе, по Щербатову, стали еще более сложными в связи с «установлением» «права твоего и моего», т.е. прав личности и частной собственности. Отметил он также их отрицательные следствия: «Сие право, кое впоследствии было причиною зол <...>». Так что законы и власть должны не только сдерживать различие людских интересов, но и поддерживать существующие различия в собственности. В подтверждение этой мысли Щербатов привел стихи Вольтера, видимо, в своем переводе: «Спокойной дух его раскаянья не знает; / Доволен он судьбой, и лучше не желает, / Равны состоянья, но в нас равенства нет».

Свои наблюдения Щербатов обобщил суждением, в соответствии с которым все виды отношений людей, включая дружбу, «безопасность жизни и имений», зависят от законов и власти. Без них «были бы люди как скоты или и еще хуже». Но в отношении свойств законов и власти Щербатов занял активную позицию. Он еще мог допустить ситуацию, когда «иногда власть, законы преступая, чинит подданных несчастными», когда это «зло» распространяется не на всех или оно временное, «мимоходящее». Но Щербатов предупредил, что власть может быть источником и всеобщего «зла»⁵¹. Решения данной проблемы он не предложил. Но заслугой Щербатова стало то, что он уже в молодости сформулировал мысль о воздействии власти и законов на отношения людей. При этом российская действительность 50-х гг. XVIII в. подсказала ему мысль о долговременном негативном воздействии ошибочных решений государственной власти и законов на общественную жизнь.

Наряду с такими общими проблемами анализа общественно-политической жизни, власти и права в историческом контексте Щербатова, гвардейского офицера и интеллектуала, интересовали сложнейшие вопросы современной российской действительности, которые определяли этические задачи основного содержания его жизни.

За годы службы в Петербурге в гвардейском Семеновском полку Щербатов, вероятно, в полной мере разочаровался в суетной жизни, наполненной интригами, стремлением к неправедным богатствам и чинам. Он видел при императорском дворе унижение людей знатных, их зависимость от гнева и милости государыни. Воспитанное чтением трудов выдающихся философов и историков

⁵¹ [Щербатов М. М.] О надобности и о пользе гражданских законов // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759. Июль. С. 37–38, 49, 53–54.

самосознание, чувство собственного достоинства князя Рюриковича, потомка князей Черниговских, пробудило в нем стремление удалиться от этой суеты, от совершения «подлостей» по отношению к другим людям и к собственной совести, жить честной уединенной жизнью труженика и мыслителя. Вероятно, его мысли и чувства в полной мере выражала статья, опубликованная в 1750 г. в журнале «Парнасская пчела», издававшемся в Берлине⁵². Ее перевод Щербатов выпустил в 1760 г. В ней содержались смелые мысли, важные для него слова: «Счастлив тот, кто будучи отдален от **смущений света**, веселится удовольствиями уединения, и коего главное сообщение состоит в приятном разговоре самого с собою. С засвидетельствованием справедливой совести **взирает он с презрением на безумства и тщеславия света**. Он токмо старается о приобретении спокойства душевного, **не страшится непостоянства фортуны, ни переменчивостей рока, презирает богатства и гибельные величества земные**. Доволен настоящим, о предбудущем не беспокоится. Доволен сам собою, **никого не отягощает, никогда не бывает принужден говорить противу своих мыслей и терпеть споры, от упрямства происходящие**. Будучи отдален от двора, **не страшится гневу своего государя и не тщится ласкательством приобрести его милость. Он не бывает принужден делать сии подлости, которых требуют вельможи, и обретається в счастливой невозможности кого обидеть**. Он старается познать прошедшее, примечает настоящее и сокращает свои старания о себе самом, не имея попечения о делах других. Равно **неприступен гордости и честолюбию, сребролюбие ему кажется быть безумство, сластолюбие — блистающая глупость, а лень — преступление**»⁵³.

«Довольство собой» — в данном случае не эгоизм и не самолюбие, а самодостаточность, самопознание и самоутверждение, это — постоянная тема *преходящего и вечного* в творчестве. Всего через 70 лет А. С. Пушкин так же сформулирует проблему творческой личности: «Поэт! Не дорожи любовью народной (здесь: людей обыденного мышления всех сословий. — М. С.). / Восторженных похвал пройдет минутный шум; / Услышишь суд глупца и смех толпы холодной; / Но ты останься тверд, спокоен и угрюм. / Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум. / Усовершенствова плоды любимых дум, / Не требуя награды за подвиг благородный. / Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд; / Всех строже оценить умеешь ты свой труд. / Доволен? Так пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь, где твой огонь горит <...>» (Пушкин А. С. Поэту (1830)).

Ранее рассмотрены только те работы Щербатова 50-х гг., в которых выразился его особый интерес к истории, философии и общественно-политической жизни. Этот интерес по-разному будет проявляться в его последующей жизни историка, общественного и государственного деятеля, мыслителя. Но читал

⁵² Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений... С. 17, примеч. 3, с. 18, примеч. 3.

⁵³ [Щербатов М. М.] Нравоучительные рассуждения графа Оксенстерна // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Октябрь. С. 372–373.

и знал молодой Щербатов значительно больше. Его круг чтения научной литературы состоял не только из русских, но также иностранных книг — на французском, итальянском, английском, латинском и польском языках. Впрочем, молодая российская наука не могла удовлетворить его обширные интересы. Сложность определения круга чтения М. М. Щербатова 50-х гг. заключается также в том, что в его библиотеку были включены книжные собрания его отца, старшего брата и тестя, И. А. Щербатова⁵⁴.

Как известно, библиотеку Щербатова составляли около 15 тыс. книг. Судя по ее «Реестру», большая их часть была издана до 1760-х гг. Книги в щербатовской библиотеке были расставлены по новому для того времени тематическому принципу: военное дело, экономика, торговля, банковское дело, география, история, математика, архитектура, медицина, филология, философия, физика, естественные науки, астрономия, минералогия, электричество, поэзия, политика, теология, путешествия, разное (*mélanges*). Но внутри этих разделов они были расставлены по-старому — по форматам. Такая расстановка книг по-своему отразила двойственность взглядов их владельца: современная для середины — второй половины XVIII в. энциклопедичность знаний, активный интерес к новому, с одной стороны, и сохранение традиций старины — с другой. В числе иностранных книг, изданных до 1760-х гг., находились те, которые были куплены Щербатовым еще в годы молодости, но, без сомнения, также книги, приобретенные уже после переезда в Москву. Выделить те из них, которые принадлежали ранее его отцу, брату и тестю, сейчас невозможно. Но, учитывая широту интересов Щербатова, можно предположить, что и они входили в круг его чтения.

В «Реестре» щербатовской библиотеки привлекают внимание книги, отражавшие интересы ее владельца. Здесь и далее возможны лишь самые краткие характеристики произведений или их авторов для их соотнесения с достоверно использованными Щербатовым западными публикациями⁵⁵. Это амстердамское переиздание 1740–1750-х гг. «Исторического и критического словаря» Р. Бея (1647–1706), которого считают провозвестником философской мысли XVIII в., гаагское издание 1758 г. «Исторического словаря» П. Маршана, амстердамское издание 1740 г. «Большого исторического словаря» французского эрудита Л. Морери (1643–1680). В числе книг по философии указаны, кроме ранее названных, четырехтомное собрание сочинений П. Бея, изданное в Гааге в 1737 г., опубликованные в основном в 1710–1750-х гг. исследования, посвященные философии Ф. Бэкона (1561–1626), греческого моралиста и фи-

⁵⁴ Королев С. В. Книги из собрания рода Щербатовых в Российской национальной библиотеке // Книга. Исследования и материалы. М., 1995. Сб. 71. С. 224–227; Самарин А. Ю. Русские печатные книги в библиотеке князя М. М. Щербатова // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3. С. 117–135; Калинина С. Г. Введение // Переписка князя М. М. Щербатова. С. 12–14 и другие работы.

⁵⁵ Каталог русских книг щербатовской библиотеки см.: Самарин А. Ю. Русские печатные книги... С. 124–135.

лософа Теофраста (ок. 372 — ок. 287 до н.э.), немецкого философа Х. Вольфа (1679–1794), ученика Г. В. Лейбница и учителя М. В. Ломоносова, концепции прав человека и гражданина немецкого правоведа и историка С. Пуфендорфа (1632–1694), труды Р. Декарта (1596–1650), основоположника современной системы научного мышления, основанного на логике ясных и точных определений, сторонника концепции сомнения как методического приема в процессе познания, а также теории моралиста М. Е. Монтеня (1533–1592), который пришел к выводу о невозможности человека найти правду и справедливость.

Наряду с этими трудами в библиотеке Щербатова находились также знаковый для Лейбница труд «Очерки о теодицее», в котором утверждалось, что при божественной предопределенности возможны в мире добро и зло, свобода и необходимость. Среди этих книг, написанных на французском или переведенных на него, также изданный в Лондоне в 1721 г. основной философский труд Д. Локка (1632–1704) «Опыт о человеческом разуме», где теории о врожденных идеях противопоставлена материалистическая концепция познания на основании опыта⁵⁶.

Эти и многие другие книги по истории, этике и философии в библиотеке Щербатова, его опубликованные работы и неизданные рукописи свидетельствуют о широте его научных интересов в 50-х гг., о его формировании как историка, мыслителя, общественного и государственного деятеля уже в молодости, когда он служил в гвардии в Петербурге.

References

- Čečulin N. D. Hronologiâ i spisok sočinienij kn. M. M. Šerbatova. SPb., 1900. (Otd. ott. iz Žurnala narodnogo prosvetešeniâ. SPb., 1900).
- Ferrone V., Roš D. Vvedenie // Mir Prosvetešeniâ. Istoričeskij slovar' / Pod red. V. Ferrone i D. Roša; per. N. Ū. Plavinskoj pod red. S. Â. Karpa. M., 2003.
- Frejhof V. Kosmopolitizm // Mir Prosvetešeniâ. Istoričeskij slovar' / Pod red. V. Ferrone i D. Roša; per. N. Ū. Plavinskoj pod red. S. Â. Karpa. M., 2003.
- Kalinina S. G. Vvedenie // Perepiska knâzâ M. M. Šerbatova / Vvedenie i komment. S. G. Kalininoj. M., 2011.
- Karion (Istomin). Bukvar slavenorossijskich pis'men <...>. M., 1692.
- Ključevskij V. O. Sočineniâ v vos'mi tomah. M., 1959. T. 8: Issledovaniâ, recenzii, reči (1890–1905).
- Komissarenko A. I. Russkij absolûtizm i duhovenstvo v XVIII (Očerki istorii sekulârizacionnoj reformy 1764 g.). M., 1990.
- Kopanev N. A. Peterburgskie otkliki na konflikt Vol'tera s Fridrihom II // Vol'terovskie čteniâ: materialy meždunar. konf. SPb., 2009. Vyp. 1.
- Kopanev N. A. Rasprostranenie francuzskoj knigi v Moskve v seredine XVIII v. // Francuzskaâ kniga v Rossii v XVIII v.: Očerki istorii. L., 1986.
- Korolev S. V. Knigi iz sobraniâ roda Šerbatovyh v Rossijskoj nacional'noj biblioteke // Kniga. Issledovaniâ i materialy. M., 1995. Sb. 71.
- Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sočinienij v desâti tomah. M.; L., 1959. T. 8.
- Perepiska knâzâ M. M. Šerbatova / Vvedenie i komment. S. G. Kalininoj. M., 2011.
- Popovskij N. Predislovie // Pop A. Opyt o čeloveke. M., 1757.
- Samarin A. Ū. Russkie pečatnye knigi v biblioteke knâzâ M. M. Šerbatova // Problemy istočnikovedeniâ istorii knigi. M., 2000. Vyp. 3.
- [Šerbatov M. M.] Nравоучitel'nye mneniâ nekotoryh persidskich carej po vostočnym pisatelâm // Ežemesâčne sočineniâ. SPb. 1759.

⁵⁶ РНБ. Эрм. 586. Л. 21 — 27 об., 33–36.

[*Šerbatov M. M.*] Nравoučitel'nye rassuždeniâ grafa Oksensterna // Sočineniâ i perevody, k pol'ze i uvесeleniû služašie. SPb., 1760. Oktâbr'.

[*Šerbatov M. M.*] Nравoučitel'nye rassuždeniâ, vybrannye iz Èpikteta, Simpliciusa i Arriana // Ežemesâčnye sočineniâ. SPb., 1759.

[*Šerbatov M. M.*] O nadobnosti i o pol'ze graždanskih zakonov // Ežemesâčnye sočineniâ. SPb., 1759. Iûl'.

[*Šerbatov M. M.*] Slovo o spokojstvii duši, vzâtoe iz Ipparha, filosofa Pifagorejskogo // Ežemesâčnye sočineniâ. SPb., 1760. Iûl'.

Šmurlo E. Vol'ter i ego kniga o Petre Velikom. Praga, 1929.

Sobranie čudnoe sokroviš knižnyh: Biblioteki Èrmitaža 250 let. Katalog vystavki. SPb., 2012.

Travnikov S. N. Šerbatov M. M. // Slovar' russkih pisatelej XVIII v. SPb., 2010.

Список литературы

Калинина С. Г. Введение // Переписка князя М. М. Щербатова / Введение и коммент. С. Г. Калининой. М., 2011.

Карпюк (Истомин). Букварь славенороссийских письмен <...>. М., 1692.

Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905).

Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990.

Копанев Н. А. Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // Вольтеровские чтения: Материалы междунар. конф. СПб., 2009. Вып. 1.

Копанев Н. А. Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986.

Королев С. В. Книги из собрания рода Щербатовых в Российской национальной библиотеке // Книга. Исследования и материалы. М., 1995. Сб. 71.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.; Л., 1959. Т. 8.

Переписка князя М. М. Щербатова / Введение и коммент. С. Г. Калининой. М., 2011.

Поповский Н. Предисловие // Поп А. Опыт о человеке. М., 1757.

Самарин А. Ю. Русские печатные книги в библиотеке князя М. М. Щербатова // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3.

Собрание чудное сокровищ книжных: Библиотеке Эрмитажа 250 лет. Каталог выставки. СПб., 2012.

Травников С. Н. Щербатов М. М. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010.

Ферроне В., Рош Д. Введение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003.

Фрейхоф В. Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003.

Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова. СПб., 1900. 28 с. (Отд. отт. из Журнала народного просвещения. СПб., 1900).

Шмурло Е. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

[*Щербатов М. М.*] Нравouчительные мнения некоторых персидских царей по восточным писателям // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759.

[*Щербатов М. М.*] Нравouчительные рассуждения графа Оксенстерна // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Октябрь.

[*Щербатов М. М.*] Нравouчительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса и Арриана // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759.

[*Щербатов М. М.*] О надобности и о пользе гражданских законов // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759. Июль.

[*Щербатов М. М.*] Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа Пифагорейского // Ежемесячные сочинения. СПб., 1760. Июль.